

**Вологодская государственная молочнохозяйственная
академия им. Н.В. Верещагина
Вологодский государственный педагогический университет**

**Европейский Север России:
традиция и модернизационные процессы**

Часть 2

Материалы научной конференции 2–3 марта 2006 г.

**Вологда – Молочное
2006**

В. Б. Конасов

Губернские и уездные ВЧК в Вологодском крае (1918–1922)

Как известно, 20 декабря 1918 года СНК РСФСР принял постановление об образовании Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Через восемь дней уже от имени ВЧК газеты опубликовали сообщение, призывающие территориальные органы власти создавать ЧК на местах. Однако в большинстве регионов этот призыв не встретил должного понимания. И тогда 18 марта 1918 года ВЧК повторно выносит вопрос об организации «однотипных комиссий для ведения борьбы с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности». Весной 1918 года почти по всей стране были созданы губернские и уездные ЧК. Несколько позднее начался процесс организации так называемых органов защиты завоеваний революции на Европейском Севере России. Вологодская губернская Чрезвычайная комиссия, к примеру, появилась на свет 15 июля 1918 года (руководитель В. И. Уваров, несколько позднее – П. Н. Александров). В Северо-Двинской губернии с центром в Великом Устюге вопрос о создании уездных чрезвычайных комиссий был принят губернской конференцией РКП(б) только в сентябре 1918 года¹. Объясняется это тем, что в местных органах власти было немало влиятельных политических противников большевиков, торпедировавших инициативу о появлении на свет чрезвычайных комиссий.

В 1919 году уездные ЧК были упразднены. Вместо них создается институт уполномоченных губернских ЧК. Тогда же появляются полномочные представительства ВЧК, которые создавались в губерниях, входящих в один военный округ. Так, полномочные представительства Вологодской, Череповецкой, Северо-Двинской и ряда других губерний входили в состав Петроградского военного округа. Такое организационное построение ВЧК на местах просуществовало до ее упразднения 6 февраля 1922 года.

Одним из важнейших направлений в работе чрезвычайных комиссий Вологодской, Череповецкой и Северо-Двинской губерний являлась борьба с внутренней контрреволюцией и иностранной интервенцией. В «Красной книге ВЧК», изданной в 1920–1922 годах, к примеру, содержатся достаточно подробные сведения о Вологодском отделении антисоветской организации «Союз возрождения», его связях с Верховным управлением Северной области, которое поддерживали вооруженные формирования стран Антанты². «Союз Возрождения» вел подготовку восстания в Вологде. Им были созданы военные дружины в Вологде, Соколе, Кадниково, Череповце. План антибольшевистского переворота стал известен ВЧК и потерпел крах.

Когда в июле 1918 года в Ярославле началось антибольшевистское восстание, подготовленное местным отделением «Союза защиты Родины и свободы» во главе с Б. В. Савинковым, Вологодская чрезвычайная комиссия сра-

зу же издала постановление, обязывавшее всех бывших офицеров в трехдневный срок явиться для регистрации в ЧК. Домовладельцам, содержателям гостиниц, квартирнанимателям предлагалось в этот же срок представить в ЧК списки проживающих у них бывших офицеров. Одновременно проводились обыски и аресты подозрительных лиц. Въезд в Вологду всем иностранным гражданам без особого на то разрешения был запрещен. Тогда же, в конце июля 1918 года, Вологодская губернская ЧК раскрыла готовящийся контрреволюционный заговор. Организация под названием «Польские легионеры» общим количеством не менее 200 человек ставила перед собой задачу свергнуть советскую власть. Заговорщики были выявлены, арестованы и препровождены в Москву в распоряжение ВЧК³.

Чрезвычайная комиссия Северо-Двинской губернии во главе с большевиком С. М. Толмачевым раскрыла белогвардейский заговор в Великом Устюге. Вслед за этим были закрыты газеты, признанные антисоветскими. Руководство этих газет привлекли к суду ревтрибунала.

Другим важнейшим направлением в деятельности чрезвычайных комиссий на местах была борьба с так называемыми классовыми врагами. В конце августа 1918 года угроза захвата частями белых, поддержанных интервентами, города Котласа миновала. Однако В. И. Ленин тут же ставит перед командующим Северо-Восточным участком, членом коллегии ВЧК М. С. Кедровым вопрос: «Достаточно ли обезопасили Вологду от белогвардейской опасности? Непростительно будет, если в этом деле проявите слабость и нерадение»⁴. Указание вождя выполняется неукоснительно. Буржуазия мобилизуется на рывье окопов, представители эксплуататорских классов, замеченные в контрреволюционных настроениях, выселяются из своих домов и квартир. Списки выселяемых регулярно печатает газета «Известия Вологодского губисполкома Советов рабочих и крестьянских депутатов».

Помимо представителей буржуазии, дворянства, белого офицерства, духовенства, интеллигенции одним из основных объектов пристального внимания чрезвычайных комиссий становятся крестьяне – организаторы и участники кулацких восстаний, противники политики продразверстки. Объявленный государством «великий крестовый поход» вооруженных рабочих в деревню за хлебом вылился в тотальную войну с крестьянством. С октябре 1918 года по март 1919 года на Европейском Севере России произошло 103 крупных крестьянских выступления. Борьба за хлеб была жесткой и бескомпромиссной. В Тотемском уезде, к примеру, крестьяне схватили 16 продотрядовцев, заперли их в сарай, а ночью расстреляли⁵. Губернская и уездные чрезвычайные комиссии, наделенные правом внесудебной расправы, прибегали к жестким ответным мерам. К расстрелу и длительным срокам лишения свободы приговаривались не только руководители, не только активные участники крестьянских выступлений, но и лица, выражавшие несогласие с политикой советской власти. В частности, в 1918 году постановлением Никольской уездной чрезвычайной комиссии был приговорен к расстрелу крестья-

нин Камкин Павел Иванович. Тогда же получил длительный срок лишения свободы крестьянин Оштинского уезда Ваницын Николай Дмитриевич.

Чрезвычайные комиссии активно участвовали в борьбе с дезертирством крестьян из Красной Армии. Масштабы этого явления впечатляют. В Вологодской губернии с января 1919 по январь 1921 года было зарегистрировано 51 102 дезертира, из которых 13 308 человек попали в разряд «злостных». Только в Чучковской и Биряковской волостях по постановлению чрезвычайных было расстреляно за дезертирство 13 крестьян. В Череповецкой губернии в ходе облав было задержано 13365 дезертиров. Приговорено к расстрелу – 47, к тюремному заключению – 562, к отбыванию наказания в концентрационном лагере – 481, к несению службы в штрафных частях – 849, к принудительным работам – 19, вынесено условных приговоров – 785. Более 1 100 семей дезертиров и их укрывателей лишиены имущества, конфисковано 698 голов рогатого скота, 8 лошадей, 172 надела земли. Укрыватели и семьи дезертиров оштрафованы на сумму 1 755 364 рубля. На «дезертирские» волости наложена контрибуция на сумму 3 255 899 рублей⁶. Последнюю из названных мер борьбы с беглецами из Красной Армии можно смело считать своеобразной формой заложничества. А между тем причину дезертирства крестьян из рядов РККА во многом объясняет необходимость поддерживать существование своих единоличных хозяйств. Им приходилось рассчитывать исключительно на свои силы, поскольку органы социального обеспечения не гарантировали семьям красноармейцев спасения от голодной смерти. Выдача красноармейского пособия Вологодским губернским отделом социального обеспечения и губернским продовольственным комитетом производилась только частично и к тому же несвоевременно. Впрочем, было бы ошибочно сводить все только к материальной стороне дела. Как социально-политическое явление, дезертирство являлось одной из важных составляющих протesta российского крестьянства, сомневающегося в успехе великого коммунистического эксперимента.

Декретом ВЦИК, принятым в апреле 1919 года, в стране вводились лагеря принудительных работ. Их организация возлагалась на губернские чрезвычайные комиссии с последующей передачей НКВД. В докладной записке Отдела принудительных работ, подготовленной в январе 1920 года, необходимость появления этих лагерей объяснялась тем, что страны Антанты активно содействовали белым армиям, а внутренняя контрреволюция прилагала все усилия к свержению большевистской власти. «Чтобы изолировать вредные элементы от общества, – говорилось далее в документе, – Советская власть признала рациональным открытие серии лагерей принудительных работ, главным образом в губернских городах⁷. Как и в других, в Вологодском лагере предусматривалось обязательное привлечение заключенных к физическому труду, вводилась строгая дисциплина. За побег устанавливалась круговая порука. Среди заключенных, осужденных на срок до 5 лет, было 39%, свыше 5 лет – 3, заложников (до тех пор, пока длится гражданская вой-

на) – 36, военнопленных белой армии – 18, прочих – 14%⁸. Кстати, практику заложничества В. И. Ленин объясняет с циничной откровенностью: «Я рассуждаю трезво и категорически: что лучше – посадить в тюрьму несколько десятков или сотен подстрекателей, виновных или **невиновных** (выделено мной – В.К.), сознательных или несознательных, или потерять тысячи красноармейцев и рабочих? – Первое лучше»⁹.

Северо-Двинский губернский лагерь принудительных работ, организованный чекистами, находился в стенах Михаило-Архангельского мужского монастыря в Великом Устюге. Комендант этого лагеря, которого абсолютно не интересовал вопрос о правомерности нахождения людей за колючей проволокой, в январе 1920 года писал в своем отчете: «Могу в данный момент смело сказать, что Лагерь в будущем принесет для Государства большую услугу и пользу, а в особенности при полном его заполнении людьми, снабжении последних питанием и обмундированием»¹⁰.

Энтузиазм и энергию комендантов таких лагерей всячески поддерживал Ф. Э. Дзержинский: «Необходимо будет далее заняться действительно организацией принудительного труда (каторжных работ) – лагерей с колонизацией незаселенных мест и железной дисциплиной. Мест и пространства у нас достаточно»¹¹. В двадцатые годы, однако, реализовать планы Дзержинского было достаточно сложно. «Экономические и политические проблемы (массовая безработица и отсутствие крупных промышленных объектов, острая внутрипартийная борьба и перманентные дискуссии о путях построения социализма), – справедливо замечают авторы книги «История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР, – не позволяли руководству страны организовать труд заключенных в общегосударственном масштабе, ограничивали сферу применения репрессий»¹². Остается добавить, что положение кардинальным образом изменится в тридцатые годы, когда счет заключенных в лагерях ГУЛАГа пойдет на миллионы.

Резюме. В настоящем сообщении изложена история создания и эволюции губернских и уездных ВЧК, раскрыты основные направления их деятельности в вологодском крае в 1918–1922 годах. Разумеется, не все сюжеты данной темы были освещены. Воссоздание полной и всесторонней картины функционирования губернских и уездных чрезвычайных комиссий на вологодской земле требует специального исследования, базирующегося на пока еще невостребованных исследователями архивных документах.

Примечания

¹ Очерки истории Вологодской организации КПСС (1895–1968). – Вологда, 1969.– С. 202, 218–219.

² Красная Книга ВЧК. Издание второе, уточненное. В двух томах.– Т.2. – М., 1989.– С. 32–38, 94–131.

³ Калашникова Н. В. История Вологодской милиции.– Вологда, 2003.– С. 69.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч.– Т. 50.– С. 172.

-
- ⁵ Калашникова Н. В. История Вологодской милиции... – С. 70–71; Очерки истории Вологодской организации КПСС... – С. 229.
- ⁶ Климов А. Н. О ходе, характере и особенностях мобилизации в Красную Армию в годы Великой Отечественной и гражданской войн (по материалам Череповецкого района) //Уроки и проблемы изучения Второй мировой войны.– Вологда, 1995.– С. 154.
- ⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов.– Т.2. Карапельная система: структура и кадры.– М., 2004.– С. 534–536.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.– Т.38.– С. 295.
- ¹⁰ История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР: Книга для учителя.– М., 2002.– С. 184.
- ¹¹ Ф. Э.Дзержинский о социалистической законности //Исторический архив.– 1958.– № 1.– С. 10.
- ¹² История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР...– С. 184.